

КИММЕРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Хуссейн Отман Абдулла

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 ноября 2016 г.

Аннотация: *дается историографический анализ российских исследований по киммерийской проблеме. Выделяются два основных направления решения этой проблемы: киммерийцы – автохтонное население Северного Причерноморья; киммерийцы – народ, известный только в Передней Азии.*

Ключевые слова: *ранний железный век, киммерийцы, Северное Причерноморье, Передняя Азия, Геродот.*

Abstract: *this article gives an overview of the Russian authors of studies devoted to the problem of the Cimmerian also made analysis and qualification of written sources, which are connected with the origin story, the settlement and the activities of the Cimmerian tribes.*

Key words: *early iron age, cimmerians, Northern Black Sea area, Minor Asia, Herodotus.*

Киммерийская проблема в российской исторической науке является достаточно актуальным вопросом в связи с тем, что без специального изучения киммерийских древностей невозможно решить ряд исторических вопросов, например, вопросов скифской истории, истории народов Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы, а также вопросы хронологии и периодизации некоторых предскифских памятников Северного Причерноморья, вопросы социальных структур киммерийского общества. Более того, среди некоторых историков и археологов существуют мнения относительно недоказанности существования киммерийцев. Поэтому киммерийская проблема является актуальной для изучения.

Одним из первых, кто попытался определить киммерийский период в древней истории нашей страны, был известный археолог Д. Я. Самоквасов. В вышедшем в 1892 г. в Варшаве труде под названием «Основания хронологической классификации древностей Европейской России» он выделил наиболее ранние древние погребения, сопровождавшиеся каменными и бронзовыми орудиями, и отнес их к эпохе, которую назвал киммерийской. Ученый признал эту эпоху временем, предшествующим вторжению основной массы скифов в Северное Причерноморье, в соответствии с тем, как оно было освещено в историческом предании у греческого историка V в. до н. э. Геродота [1, с. 33].

В последнее время в изучении всех аспектов киммерийской проблемы достигнуты значительные успехи, однако ряд ее важных сторон продолжает вызывать разногласия.

Изучение истории и культуры киммерийцев началось в первой половине XX в., когда В. А. Городцов выделил в найденных археологических древностях на юге Восточной Европы ряд предметов – серпы, удила, листовидные кинжалы, котлы на ножке, которые он отнес к киммерийской культуре [2, с. 46].

Второй период изучения киммерийской истории и культуры начался в 50–70-х гг. прошлого века и был связан с масштабными археологическими исследованиями, находки в которых позволили по-новому взглянуть на исторические события, происходившие в предскифский период на территории Причерноморья. Так, например, в этот период Е. И. Крупнов исследовал Каменноостровский могильник и сделал важный вывод о скрещивании черт киммерийской и кобанской культур [3, с. 258].

Именно тогда было дано определение Е. И. Крупнова, с которым согласен ряд ученых-историков, в том числе В. А. Городцов, о том, что киммерийцы – это древнейшее, засвидетельствованное историческими документами население, обитавшее в доскифский период в степях Украины, в Крыму и на Северном Кавказе [там же, с. 321]. И. М. Дьяконов предположил в свое время, что вавилонские писцы употребляли название киммерийцев в широком смысле уже в VII в. до н. э., как это делали писцы нововавилонской и ахеменидской эпохи, обозначавшие этим термином и среднеазиатских саков, и, вероятно, причерноморских скифов. При этом он полагал, что ассирийские писцы, в отличие от вавилонских, последовательно различали скифов и киммерийцев, поскольку происходили из Северной Месопотамии и были лучше знакомы с этими кочевниками. На основании этого предположения И. М. Дьяконов считал, что киммерийцы в эпоху Асархаддона находились исключительно к западу от Ассирии, в Малой Азии, тогда как

скифы – на востоке, в Манне и Мидии, а тексты, упоминающие о присутствии киммерийцев в этом районе, в действительности имеют в виду скифов [3].

Третий период изучения киммерийской культуры и истории можно датировать периодом с 1976 г. по настоящее время. Начался этот период с публикации монографии А. И. Тереножкина «Киммерийцы», в которой описывались все найденные памятники киммерийской культуры, разработана типология различных категорий материальной культуры и произведено рассмотрение вопросов периодизации памятников, этнической принадлежности киммерийцев, а также хронология и периодизация их истории.

Рассмотрим взгляды некоторых ученых на киммерийскую проблему. Например, Артамонов в своей книге «Киммерийцы и скифы», исследуя и анализируя археологические и письменные источники, восстанавливает историю киммерийцев: происхождение, этническую принадлежность, переселение их в Переднюю Азию, возвращение в Северное Причерноморье.

Автор гипотетически связывает достоверные факты истории Северного Причерноморья внутренней логикой исторического процесса и представляет предскифский период в совершенно новом и ярком свете, разъясняя смысл и значение важных явлений прошлого нашей страны. Книга «От киммерийцев до крымчаков» (И. Н. Храпунов, А. Г. Герцен) представляет собой ряд очерков о народах, населявших Крымский полуостров с древнейших времен до конца XVIII в. Авторы, преимущественно ученые Таврического национального университета им. Вернадского, в популярной форме рассказывают об истории этносов, проживавших и проживающих в Крыму.

Известный советский ученый Б. Н. Граков еще в конце 30-х гг. XX в. пришел к выводу, что в наших степях в предскифское время одновременно обитали киммерийцы и прямые предки скифов, отождествленные со срубной культурой. Данную гипотезу он впервые высказал в своей работе «Скіфи», вышедшей в Киеве в 1947 г. на украинском языке. Более аргументированно ученый изложил ее в труде «Каменское городище на Днепре» [4, с. 88].

В книге «Киммерийцы» А. И. Тереножкина рассматривается материальная культура киммерийцев: захоронения, оружие, бытовые вещи. Отдельные разделы посвящены киммерийскому искусству, их этническому происхождению и социальной организации [5, с. 45].

Одним из примеров такого подхода к проблеме является статья Н. А. Гаврилюк [6, с. 55]. Она посвящена чрезвычайно важному аспекту изучения предскифской культуры, которому, к сожалению, редко уделяется должное внимание: исследованию

керамики и ее использованию для реконструкции этнокультурной истории восточноевропейских степей предскифского периода. Обычно главным источником при исследованиях такого рода являются металлические изделия; на основании их изучения делается вывод о существовании теснейших связей между населением восточноевропейских степей и Кавказа в предскифскую эпоху. Благодаря исследованию керамических находок Н. А. Гаврилюк удается восстановить более сложную и нюансированную картину, которая, очевидно, ближе к истине. Она показывает значение культурных связей населения степей с различными ее соседями, с жителями лесостепей, фракийцами и населением Прикубанья [там же, с. 64].

Реконструкция истории пребывания киммерийцев в Передней Азии в эпоху Асархаддона и Ашшурбанипала, по-видимому, в целом не вызывает возражений. Отдельные ее детали, однако, были подвергнуты критике в статье М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского [7]. Так, ее авторы обратили внимание на определение киммерийского вождя Теушпыкак «умман-манда, место которого отдаленно». Они замечают, что последнее определение «может оказаться весьма существенным для понимания всей истории пребывания киммерийцев в Передней Азии», и сожалеют, что А. И. Иванчик не обратил на него должного внимания и не высказал никаких соображений относительно местоположения этого «отдаленного места». Так, М. Н. Погребова, Д. С. Раевский и И. В. Яценко [там же, с. 83], ставя под сомнение отождествление «раннескифских» памятников Малой Азии с историческими киммерийцами, ссылаются на невозможность разграничить киммерийцев и скифов в восточных текстах. Они полагают, следовательно, что, вопреки недвусмысленным указаниям разных источников (не только клинописных, но и античных), скифы присутствовали в Малой Азии еще в первой половине VII в. до н. э., и именно они оставили на этой территории «раннескифские» памятники (в противном случае их возражение перестает быть таковым). Для этого им приходится предполагать, что тексты имеют в виду вовсе не то, что в них написано, и, говоря о киммерийцах, подразумевают реальных скифов или киммерийцев и скифов вместе (речь здесь должна идти не только о клинописных, но и античных текстах, что, кажется, не вполне осознается сторонниками этой точки зрения. Однако, если исходить из такой презумпции, обсуждение киммерийской проблемы теряет всякий смысл. В самом деле, если мы не знаем, имеют ли в виду киммерийцев наши источники, когда говорят о них, то приходится отказаться от всяких суждений о киммерийцах и от попыток отграничить их от скифов. В таком случае киммерийская проблема получает простое, хотя и весьма неутешительное решение: кроме близости киммерийцев к скифам,

оказывается, что о них ничего невозможно сказать с уверенностью. Правда, неясно в этом случае, чем можно обосновать принадлежность киммерийцам предскифских археологических культур, а также остается без объяснения и тот факт, почему в Малой Азии сохранились материальные остатки одних лишь скифов, но не киммерийцев.

К счастью, ситуация не столь безнадежна. В действительности ассирийские тексты (как и большинство античных источников) достаточно последовательно разграничивают две группы. Собственно только это позволяет и современным исследователям различать киммерийцев и скифов и всерьез обсуждать киммерийскую проблему, в том числе и ставить вопрос об археологической культуре киммерийцев.

Вторая деталь касается различных употреблений детерминативов при названии киммерийцев. Их название в аккадских текстах сопровождается в одних случаях детерминативом LU («человек»), а в других – KUR («страна»). Это различие смысловое, и из него можно сделать существенные для истории киммерийцев выводы [7]. Так, сочетание mTe-us-ra-a kurGi-mir-ga-a-a они считают возможным переводить не как «Теушпа киммериец», а как «Теушпа, (царь/вождь) страны киммерийцев». Из подобных употреблений они делают вывод о том, что киммерийцы воспринимались ассирийцами не просто как этнос, а как определенная политическая единица, страна, локализованная на востоке Малой Азии. Это в свою очередь предполагает достаточно прочный и длительный контроль киммерийцами определенной территории в названном районе, которая воспринималась как их собственная земля.

Альтернативная гипотеза М. Н. Погребовой, Д. С. Раевского и И. В. Яценко [там же, с. 75], согласно которой рассказ Геродота был заимствован им из скифского фольклора чуть ли не целиком, в том виде, в каком он его излагает, совершенно не убедительна. Рассказ Геродота по всем своим признакам схож с ионийской историей и включает ряд черт, невозможных в фольклорном повествовании. Другое дело, что материал для этой истории может происходить из разнообразных источников, среди которых, по всей видимости, была и собственная скифская традиция. Однако эта скифская традиция, как и в ряде других случаев, вошла в греческую литературу не непосредственно, а через понтийских греков, близко контактировавших со скифами. По мнению А. И. Иванчика, С. Р. Тохтасьеву удалось достаточно убедительно показать, что рассказ Геродота объединяет две локальные традиции припонтийских греков о киммерийцах, одна из которых связана с окрестностями Тиря, а другая – с Боспором [8, с. 44]. Обе устные традиции были объединены в общем повествовании одним из ионийских историков, послу-

жившем источником для Геродота (определенный вклад в формирование этого повествования внес, очевидно, и он сам), который дополнил его информацией, сохранявшейся у народов, входивших в контакт с киммерийцами и скифами в Передней Азии, прежде всего у ионийских греков. Рассказ Геродота о киммерийцах может служить объектом дальнейших исследований, но по крайней мере один существенный результат в этом отношении уже достигнут. Этот рассказ не может восприниматься буквально как полностью достоверная историческая справка: речь идет о многослойном явлении, в формировании которого существенную роль играли фольклор (как греческий, так и негреческий) и ученые построения греческих историков, заменявшие недостаток информации. Соответственно, следует относиться с очень большой осторожностью к историческим реконструкциям, в основе которых лежит рассказ Геродота.

С. Л. Дударев в своей весьма серьезной и фундаментальной статье предлагает определенный компромисс [9, с. 58]. Прежде всего, он различает две волны вторжений киммерийцев в Переднюю Азию. Первую волну он датирует началом правления Саргона II в Ассирии (до 714 г. до н. э.) и считает, что за ней последовал «отток» кочевников из Западной Азии в восточноевропейские степи. Вторую волну С. Л. Дударев датирует, начиная с 70-х гг. VII в. до н. э. При этом он, кажется, готов признать кочевнические памятники Малой Азии (Норшун-тепе, Имирлер) киммерийскими, хотя и говорит об этом не вполне уверенно. Эти памятники он относит ко второй волне и, таким образом, допускает, что археологическая культура киммерийцев «второй волны» была раннескифской. Однако, по его мнению, это не предопределяет решения вопроса об археологической культуре киммерийцев конца VIII в. до н. э. и, в частности, киммерийцев «первой волны». Сам С. Л. Дударев аргументирует точку зрения, согласно которой киммерийцы VIII в. до н. э., в том числе и участвовавшие во вторжениях «первой волны» в Переднюю Азию, принадлежали к культуре новочеркасского типа [там же, с. 59].

Если говорить о чисто археологической стороне гипотезы С. Л. Дударева, то она предполагает, что переход от предскифской (новочеркасской) культуры к раннескифской произошел не в результате смены этноса (скажем, киммерийцев на скифов), а в результате смены культуры одним и тем же этносом (киммерийцами) [там же, с. 56]. При этом смена культуры произошла очень быстро, максимум за треть века, поскольку киммерийцы «первой волны» в конце VIII в. до н. э. были носителями первой культуры, а киммерийцы второй волны (с начала 670-х гг. до н. э.) – уже второй. Подобную схему развития трудно

согласовать с имеющимися фактами. Несмотря на наличие отдельных новочеркасских элементов в составе раннескифской культуры, невозможно говорить о прямой эволюции новочеркасской культуры в раннескифскую. Кроме того, «раннескифские» памятники Передней Азии отнюдь не самые архаичные – они представляют уже второй этап развития этой культуры. Таким образом, киммерийцы принесли в Малую Азию «раннескифскую» культуру уже во вполне сформировавшемся виде, что трудно согласовать с предположением о том, что тот же народ лишь тремя десятилетиями ранее принадлежал к совершенно иной культуре.

Вторая группа письменных источников по киммерийской проблеме – тексты, принадлежащие античной традиции – реже служила объектом специального исследования, чем клинописные источники. Поэтому особенно ценной является недавняя публикация С. Р. Тохтасьева, содержащая тщательный и подробный разбор этих текстов (в первую очередь свидетельств Геродота) [10]. Эта работа была подвергнута критическому анализу в статье М. Н. Погребовой, Д. С. Раевского и И. В. Яценко [7, с. 74]. Несмотря на возражения этих авторов, порой весьма существенные, после работы С. Р. Тохтасьева невозможно возвращение к наивной вере в полную достоверность рассказа Геродота об изгнании скифами киммерийцев из причерноморских степей. С. Р. Тохтасьев весьма убедительно показал, что этот рассказ в известном нам виде представляет собой конечный результат достаточно сложного развития и состоит из элементов различного происхождения, объединенных в рамках единого повествования одним из греческих историков, самим Геродотом или его источником [10, с. 92]. Вряд ли этот основной вывод можно оспорить, хотя состав отдельных элементов, вошедших в этот синтетический рассказ, их удельный вес в нем, как и их происхождение, могут служить предметом дальнейших дискуссий.

А. И. Иванчик считал оборот «умман-манда, место которого отдаленно» одним из частых в ассирийских царских надписях архаизирующих орнаментальных топосов возвышенного стиля, смысл которого состоит вовсе не в указании на реальную локализацию того или иного народа, а во включении текста и описываемых в нем событий во многовековую традицию месопотамской словесности [8, с. 79]. Его употребление может свидетельствовать лишь о том, к какому типу народов причисляли киммерийцев ассирийцы (а именно к воинственным нецивилизованным народам, куда включались среди других и мидийцы), но отнюдь не о реальной локализации этого народа. Смысл этого топоса состоит также в возвеличивании ассирийского «царя вселенной», победоносные походы которого распространяются на

«четыре конца света» и на «отдаленные страны», населенные периферийными варварами.

Первая часть книги А. И. Иванчика «Киммерийцы и скифы» посвящена этой проблеме: выяснению того, какая археологическая реальность скрывается за сообщениями письменных источников о киммерийцах [11, с. 128]. Для ее решения приходится обращаться не только и даже не столько к материалу, происходящему из степей, которые были, судя по всему, коренной территорией обитания киммерийцев, но и прежде всего к районам Передней Азии. Эти области, служившие объектом военных набегов киммерийцев и, очевидно, достаточно маргинальные для их культуры, имеют, однако, то достоинство, что именно с ними связано подавляющее большинство письменных источников, упоминающих этот народ, и притом источников наиболее достоверных. Поэтому именно эти районы имеют приоритетное значение при анализе проблем, требующих согласования данных письменных и археологических источников. Такой проблемой является вопрос об археологической культуре исторических киммерийцев.

Первая проблема, которая продолжает вызывать разногласия, – локализация района, занятого киммерийцами в период их победы над войсками урартского царя Русы I. Напротив, датировка этого события 714 г. до н. э., которую А. И. Иванчик обосновывал в своей работе, кажется, получила одобрение большинства исследователей [там же, с. 135]. Говоря об этой проблеме, следует начать с того, что многие недопонимания объясняются неточным пониманием самого термина «страна Гамир» исследователями, не являющимися специалистами в области ассириологии. Переводы «страна Гамир» или «страна киммерийцев» достаточно условные. Аккадское KURGamir(ra) – это не более чем этноним, снабженный детерминативом страны и лишенный своего суффикса -aia, служащего для оформления названий народов. Это слово обозначает просто район, занятый киммерийцами, и из его употребления нельзя сделать никаких выводов, касающихся размеров этого района, длительности пребывания там киммерийцев или прочности их контроля над ним. Судя по эфемерности этого названия, которое не встречается в более поздних источниках, речь должна идти не о настоящем стабильном топониме, а просто о районе, где киммерийцы находились в момент их конфликта с Урарту в 714 г. до н. э. О том же свидетельствует и колебание в его форме (Gamir/Gamirra), которое подтверждает вторичный характер топонима, образованного от названия киммерийцев.

Что касается его локализации, то взгляды исследователей по сути сводятся к двум точкам зрения. Представители первой считают, что киммерийцы находились к северу от Урарту, т. е. в Закавказье, на

территории Северной Армении или Южной Грузии. Представители второй склонны локализовать их на юго-восточной границе Урарту, к югу от оз. Урмия в районе Манны. Первая точка зрения, которую защищал в своей монографии А. И. Иванчик, и сейчас представляется более обоснованной [там же, с. 136]. Она опирается на идентификацию области Gu/Qu-gi-a-ni-a, с которой граничила территория, занятая киммерийцами [8, с. 43], с областью Qu-gi-a-ni, а также Gu/Qu-gi-a-i-ni, упоминаемыми в урартских текстах и расположенными к северу от Урарту.

А. И. Иванчик считал эту гипотезу недостаточно убедительной и стремился показать, что тексты эпохи Асархаддона вполне последовательно различают киммерийцев и скифов и что присутствие не только скифов, но и киммерийцев в районе Манны и Мидии фиксируется достаточно надежно [11, с. 59]. Большая часть упоминаний скифов и киммерийцев в Манне и Мидии сохранилась в составе запросов к оракулу Шамаша, авторы которых для обеспечения максимальной точности пророчества стремились предельно детально и недвусмысленно сформулировать вопросы, перечисляя при этом все возможные угрозы, которых стремились избежать. Учитывая эту жанровую особенность запросов к оракулу, трудно предполагать, что их составители допускали неточность в наименовании потенциальных противников Ассирии, обозначая реальных скифов названием киммерийцев, даже если и согласиться в принципе с возможностью расширенного употребления этого этнонима в столь раннее время.

Наиболее вероятно, по мнению А. И. Иванчика, что название киммерийцев стало широко употребляться в первую очередь для обозначения среднеазиатских саков писцами Нововавилонского царства в самом конце VII или VI в. до н. э. Говорить о подобном употреблении этнонима в более раннее время, и особенно в ассирийских канцеляриях, нет оснований. В любом случае, некорректно было бы переносить выводы, сделанные на основании анализа словоупотребления текстов нововавилонской писцовой традиции, на тексты, представляющие совершенно иную новоассирийскую традицию. Кроме того, у нас нет ни одного свидетельства об использовании названия киммерийцев для обозначения скифских групп, действовавших в Передней Азии в VII в. до н. э. Таким образом, предположение о наличии в эпоху Асархаддона двух групп киммерийцев, одна из которых действовала к западу и северо-западу от Ассирии, а другая – к востоку от нее, наилучшим образом соответствует данным источников.

В последнее время существенный прогресс достигнут и в изучении археологического аспекта киммерийской проблемы. В центре дискуссии находится вопрос о том, к какой археологической культуре

принадлежали исторические киммерийцы. Соответственно, все более осознается условность традиционного термина «киммерийская культура». Однако здесь еще далеко до единства между исследователями, и археологический аспект киммерийской проблемы остается, пожалуй, наиболее дискуссионным. Эта дискуссия тесно связана с дискуссией о хронологии раннескифской археологической культуры и, в частности, о датировке перехода к ней от предскифской культуры. В ряде работ высказаны аргументы против традиционного приписывания историческим киммерийцам предскифских археологических культур (в том числе памятников новочеркасского и черногогорского типов) и в пользу того, что их культура с археологической точки зрения была «раннескифской» [там же, с. 223]. Сторонники этой точки зрения склонны удревнять традиционную дату раннескифской культуры и относить ее начало еще к VIII в. до н. э. В то же время значительное число исследователей продолжает придерживаться традиционной точки зрения, согласно которой археологическая культура исторических киммерийцев была предскифской (новочеркасская и черногогорская), и датировать переход к раннескифской культуре между серединой и концом VII в. до н. э.

Несмотря на слабую изученность позднего бронзового века в то время, обусловившую попадание в круг киммерийских материалов разновременных предметов, гипотеза В. А. Городцова получила признание, и многие бронзовые изделия стали именоваться «киммерийскими». Одним из свидетельств «участия киммерийцев в переднеазиатских походах» С. В. Махортых вслед за рядом предшественников считает бронзовые пряжки от конской сбруи, найденные в Носачевском кургане в днепровской лесостепи. Эти бляшки сопоставлялись с изображениями конских украшений (детали наборных украшений нагрудных ремней) на ряде ассирийских рельефов и других изображений, на основании чего делалось предположение об их заимствовании народами Передней Азии у евразийских кочевников (реже, напротив, о переднеазиатском происхождении носачевских бляшек). Однако находки таких бляшек от конских уборов известны в переднеазиатских памятниках конца IX в. до н. э., в частности в слое финального пожара Хазанлу IV в., т. е. их появление здесь по меньшей мере на век предшествует началу киммерийских походов и никак не может быть с ними связано [12, с. 11].

В целом, точка зрения, согласно которой киммерийцы в период своих вторжений в Переднюю Азию были носителями «раннескифской» археологической культуры, остается наиболее обоснованной. К той же культуре, очевидно, принадлежали и исторические скифы. Речь идет о двух группах, которые были весь-

ма близки между собой с культурной, а также, вероятно, языковой и этнической точек зрения, но все же достаточно четко различались. Эти различия, однако, нам удастся установить лишь благодаря письменным источникам. Различия в материальной культуре двух этнических групп, если они были, весьма трудно уловимы, а отдельные нетипичные черты памятников, оставленных киммерийцами в Малой Азии, могут иметь разные объяснения, наиболее вероятным из которых является то, что восточный Карпатский бассейн являлся своеобразной отправной точкой, из которой киммерийцы осуществляли проникновение в другие регионы Центральной и Западной Европы. Их полукочевой образ жизни помогал распространению технических достижений, разработанных киммерийцами, и восточной идеологии. Все это происходило как в результате военных набегов, так и в результате мирных контактов киммерийцев с жителями Центральной и Западной Европы. Также наиболее вероятным развитием событий в исторической ретроспективе является то, что скифы совместно с киммерийцами в конце VIII в. начали участвовать в переднеазиатских походах, до появления второй волны скифов, которые вытеснили в результате киммерийцев с территории Северного Кавказа. Часть киммерийцев ушла в этот период в лесостепные районы Украины, с населением которой у них были длительные и тесные контакты, а часть – на территорию фракийцев – треров. Поляризация политики киммерийцев и скифов в Передней Азии объясняется военным конфликтом кочевников в степях Восточной Европы, столкновением скифов и киммерийцев в степях Причерноморья. Окончание киммерийской культуры датируется концом VIII в. до н. э., когда киммерийцы были окончательно разбиты Лидийским царем Алиаттом. Предложенная версия рассмотрения киммерийской проблемы в таком ключе является базовой, в нее еще необходимо вносить дополнения и уточнения на основе археологических и исторических исследований для того, чтобы полностью реконструировать события.

*Воронежский государственный университет
Хуссейн Отман Абдулла, аспирант кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: abdalla1982@mail.ru
Тел.: 8-905-659-18-02*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Самоквасов Д. Я.* Описание археологических раскопок и собрания древностей / Д. Я. Самоквасов. – М. : Синодальная тип., 1908. – 284 с.
2. *Городцов В. А.* К вопросу о киммерийской культуре / В. А. Городцов // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. – 1928. – III. – 263 с.
3. *Дьяконов И. М.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту / И. М. Дьяконов // Вестник древней истории. – 1951. – № 2. – С. 257–356.
4. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре / Б. Н. Граков. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. – 240 с.
5. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы / А. И. Тереножкин. – Киев : Наукова думка, 1976. – 224 с.
6. *Гаврилюк Н. А.* Домашнее производство и быт степных скифов / Н. А. Гаврилюк ; АН УССР, Ин-т археологии. – Киев : Наук. думка, 1989. – 109 с.
7. *Погребова М. Н.* Киммерийская проблема / М. Н. Погребова, Д. С. Раевский, И. В. Яценко // Вестник древней истории. – 1998. – № 3. – С. 69–87.
8. *Иванчик А. И.* Современное состояние киммерийской проблемы / А. И. Иванчик // Вестник Древней истории. – 1999. – № 2. – С. 77–97.
9. *Дударев С. Л.* К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии / С. Л. Дударев // Вестник древней истории. – 1998. – № 4. – С. 77–93.
10. *Тохтасьев С. Р.* Источниковедческие проблемы истории киммерийцев : дис. ... канд. ист. наук / С. Р. Тохтасьев. – СПб., 1999. – С. 51.
11. *Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени / А. И. Иванчик. – М. : Палеограф, 2001. – 324 с.
12. *Махортых С. В.* Культура и история киммерийцев северного Причерноморья : дис. ... канд. ист. наук / С. В. Махортых ; Национальная Академия наук Украины, Институт археологии. – Киев, 2008. – 582 с.

*Voronezh State University
Hussein Othman Abdullah, Post-graduate Student of the
Archaeology and Ancient History Department
E-mail: abdalla1982@mail.ru
Tel.: 8-905-659-18-02*